

Мэй Ли разбудила Цзян Лю, которая крепко спала рядом с ней. Девушка была ещё молода, в том возрасте, когда могла долго спать.

Прошлой ночью Мэй Ли снова испугалась, что снова закричит от своего кошмара. Но она не могла допустить, чтобы Цзян Лю, которая весь день бегала с ней на дежурстве, всё ещё беспокоилась о ней в этот час отдыха. Поэтому ей пришлось сдерживать свою сонливость, которая сохранялась до рассвета.

Только перед восходом солнца она, наконец, уговорила Цзян Лю встать, зная, что Чэнъи и Цзинсюань рано утром отправятся в Фэнтай.

Освежившись, она подумала, что двое мужчин ещё не встали. Но когда она толкнула дверь, то обнаружила, что они уже закончили цюаньфа [1] во дворе, их тонкая одежда была мокрой от пота.

Они оба слегка запыхались и приостановили свои атаки, когда увидели, что она вышла. Слуги Цзинсюаня внимательно принесли им две миски с водой для мытья и сменную одежду.

Мэй Ли была немного смущена, но подумала, что будет слишком неловко, если она просто уйдёт обратно в комнату, поэтому она только склонила голову и притворилась, что просто прогуливается.

К счастью, вскоре охранник принёс завтрак, и она последовала за ним, чтобы помочь приготовить еду.

Позже Чэнъи уже переделся в новую одежду и молча стоял под деревом, снова глядя в транс. Хотя он всё ещё не хотел говорить, его удручённый взгляд, когда она впервые увидела его, сильно рассеялся, и в его одиноких глазах уже был какой-то блеск.

Мэй Ли до сих пор было больно думать о битве с джунгарами. Он действительно отдал свою жизнь той войне. На самом деле последние два года Чэнъи-гэ жил тяжелее, чем она. Что хоть и не был в тюрьме, но на самом деле он не свободен.

«Давай есть?» — она тихо позвала его. Но от того, о чём она думала, в её неподготовленном голосе отразилось её сожаление, она даже немного задохнулась.

Раньше она думала, что сердце Чэнъи твёрже, чем Цзинсюаня. Она так и не поняла, что никогда по-настоящему не знала сердца людей.

Из-за того, что произошло на вчерашнем ужине, окружение Цзинсюаня на этот раз не осмелилось бездельничать. Они принесли всё, что хотели. Повар лагеря намеренно смешал несколько тарелок с холодными блюдами [2], но Цзинсюань на этот раз прикоснулся только к приготовленным на пару булочкам.

Мэй Ли медленно ела и заметила его. Бездумно она передвинула маринованные овощи ближе к Цзинсюаню, потому что думала, что это лучше по сравнению с овощной смесью, стоящей рядом с ним. Цзинсюань лишь холодно посмотрел на неё. Она опустила глаза, чтобы избежать его взгляда.

Не подумает ли он, что она снова намеренно льстит ему? Но это было не то, что она пыталась сделать. Различия между ними были слишком велики, и им было бы лучше игнорировать друг друга. Почему она снова стала безрассудной?

К счастью, Цзинсюань ничего не сказал и съел половину маринованных овощей и ещё две паровые булочки.

После еды Чэнъи приказал солдатам вести лошадей. Мэй Ли тоже встала и поспешила найти своего кучера.

Но затем Чэнъи похлопал по седлу лошади и сказал: «Поторопись». Это был знак для неё, чтобы поехать с ним.

Мэй Ли на мгновение заколебалась. Она подумала об ухабистой дороге, когда добиралась сюда в спешке. Но это была инициация Чэнъи-гэ. Поэтому она просто кивнула.

Мэй Ли сидела спереди, практически на руках Чэнъи. Скорость их лошади была не слишком высока, а с тёплым и нежным весенним ветерком не заставило себя долго ждать, когда её охватила сонливость, тем более, что прошлой ночью она так и не смогла хорошо выспаться. Бессознательно она обхватила Чэнъи руками, пока не нашла удобную позу и не погрузилась в глубокий сон.

Цзинсюань внезапно осознал, что больше не слышал звук лошади Чэнъи позади себя, поэтому он оглянулся. Он мог видеть, что Чэнъи сильно отстал, поэтому он нетерпеливо остановился и подождал, пока тот догонит его. Только подойдя поближе, он понял, что Мэй Ли спит у него на руках.

«Слишком медленно» — он нахмурился и выругался.

Чэнъи проигнорировал его и продолжил двигаться в своём темпе. Двое служителей Цзинсюаня могли лишь медленно следовать за ним, так как один из них также ехал с Цзян Лю. Кроме того, они не могли бежать впереди Чэнъи.

— Она... — сказал Чэнъи, глядя на Мэй Ли, у которой были обнажены руки. Её рукава были оттянуты, когда она обнимала его, и он мог свободно видеть её старый ожог и новую рану от стрелы. — Должно быть, она много страдала.

Цзинсюань поджал губы и промолчал.

— Вопреки всему... — Чэнъи продолжил. Теперь он мог заметить усталость на бледном маленьком личике Мэй Ли, даже слабую чёрную тень под её глазами, из-за чего она выглядела измождённой и слабой. — Ты должен относиться к ней лучше. В конце концов, ты ей когда-то нравился.

Цзинсюань холодно согласился мычанием. Но он взглянул на шрам на её руке, нахмурился и отвёл взгляд. Хотя было очевидно, как раздражительно ему тащиться с той же скоростью, он не призывал Чэнъи ускориться.

Ведь спать на движущемся коне может только тот, кто слишком устал.

Когда Мэй Ли проснулась, она извиняющимся тоном ослабила руки, крепко обнимавшие Чэнъи за талию, и села прямо. Когда она заснула, весь её вес был на нём. Должно быть, у него всё болело, потому что ему всё ещё приходилось держать поводья.

— Мне жаль. — сказала она, виновато потирая руки Чэнъи. — Тебе было тяжело... — она винила себя.

Губы Чэнъи изогнулись, и он покачал головой.

— Мы уже на развилке дорог между столицей и Фэнтаем. — внезапно заговорил Цзинсюань.

Мэй Ли поняла, что он имел в виду, поэтому подняла глаза и улыбнулась Чэнъи.

— Вам не нужно сопровождать меня в столицу. У вас очень важное дело.

Чэнъи немного колебался. Солнце собиралось садиться. И хотя они уже были на главной дороге столицы, пешеходов всё равно было много. В конце концов, ехать будут две молодые девушки, а карета наследника останется позади, может быть, на полдня.

— Впереди есть гостиница. Пусть наймёт там карету. — сказал Цзинсюань, глядя в темнеющее небо. — Нам тоже нужно поторопиться, иначе кто знает, во сколько мы прибудем в Фэнтай.

Мэй Ли спрыгнула с лошади, а Цзян Лю тоже пошла сопровождать её. Она наклонилась к Мэй Ли с недовольным взглядом и прокляла, что, хотя этот мужчина был красив, Цин Ван [3] на самом деле не очень добр.

— Возьми это. — Цзинсюань бросил небольшую сумку в сторону Мэй Ли.

Она была потрясена, но инстинктивно словила. Она была настолько тяжёлой, что отдача повредила ей пальцы. Она догадалась, что это должно было быть серебро.

Чувство безмерного унижения распространилось в её сердце. Что он думал о себе, сидя на высокой лошади и небрежно швыряя в неё деньги?!

— У меня есть собственные деньги. — она прошептала и вернула сумку Цзинсюаню.

Её смущение теперь затмилось чувством горечи, которое делало её грустной. Вот так она выглядела в его глазах. Жалко.

— Просто возьми это, хорошо?! — ответил он очень равнодушным тоном, смешанным с оттенком скуки.

Мэй Ли закусила губу. Почему она вообще должна ему объяснять? Проглотив свои объяснения обратно в горло, она выдавила из себя улыбку, убрала руку и поклонилась ему.

— Благодарю принца за награду.

— Ты! — Цзинсюань был так взволнован, что направил на неё свой хлыст.

Цзян Лю очень боялась, что этот принц действительно ударит Мэй Ли своим хлыстом. Выражение его лица стало ещё страшнее, чем раньше, поэтому она закричала:

— Принцесса! Пойдём! — она потянула Мэй Ли и потащила её к гостинице.

Когда они вдвоём завернули за поворот, Цзинсюань сурово сказал двум своим помощникам: «Присматривайте за ними, но не позволяйте им узнать! Убедитесь, что они не подвергнутся опасности». Он скомандовал, словно ругаясь, сбивая с толку своё окружение.

Изложив свой приказ, Цзинсюань действительно почувствовал в себе прилив гнева из-за того, что вместо этого ему пришлось хлестать свою лошадь. Бедное животное зашипело и бешено побежало.

Чэнъи последовал за ним с пустым лицом.

Только когда он немного побежал, гнев, наконец, утих. Он подумал, что после того, как Мэй Ли вернулась из холодного дворца, она всё ещё не умела распознавать чёрное и белое, хорошее и плохое. Она всегда напрашивается на неприятности.

Увидев, что Цзинсюань замедляется, Чэнъи тоже натянул поводья.

— Почему ты не можешь нормально с ней общаться? — монотонно сказал Чэнъи.

— Хорошо общаться? Что, если она снова начнёт увязываться за мной?

— Она не стала бы. Уже нет. — почти уверенно сказал Чэнъи.

Цзинсюань был ошеломлён и больше не говорил ни слова.

[1] 拳 (цюаньфа) некоторая форма традиционной китайской самообороны в виде ударов руками и ногами, вероятно, наиболее близким термином является кикбоксинг.

[2] 冷 (лян цай) буквально холодные блюда, такие как некоторые салаты, некоторые сырые блюда и некоторые блюда, подаваемые холодными.

[3] Титул Цзинсюаня как принца — Цин, поэтому его зовут Цин Ван.

<http://tl.rulate.ru/book/76998/2334938>